

БОЙСОВСКИЙ КЛУБ

Легенду о Йозефе Бойсе можно было бы разбить на три основные части. В первой говорится о падении немецкого самолёта в крымскую степь... Хотя мне приходилось слышать, что на самом деле никакого падения не было (а потом и читать, например, вот эту статью в рунете: <http://coll.spb.ru/public/49.php> — сомнение в том, что Бойс был сбит, высказано там в разделе с подзаголовком «Как поэт в России больше, чем поэт...»), как раз эта часть легенды мне кажется наиболее правдоподобной — мало ли кого сбивали в сорок третьем... Несколько недель без сознания, одеяла, жир... Почему бы и нет? В конце концов, он потом непрерывно воспроизводил их в своих работах. Можно ли это считать строгим доказательством, я не знаю, но что вообще можно считать доказательством, когда речь идёт о мифе? Разве что какие-нибудь юные следопыты отыщут место, где упал самолёт Бойса, найдут потомков тех татар, которые его выхостили, смазав салом и завернув в войлочные одеяла (несколько лет спустя возвращаясь к этому тексту, я без труда нахожу в Интернете, что, как и следовало ожидать, кто-то в самом деле предпринял такую попытку... более того, существует, оказывается, на Украине уже целое объединение под названием «Дети Бойса»).

В предисловии к одному из альбомов Бойса читаем: «Он внушил крымским татарам большую симпатию, они ему говорили: «Ду бист никс немец, ду бист татар!» В другом источнике говорится, что Бойса выхостили шаманы и — нашептали ему на ухо что-то такое... что началась вторая часть легенды: «...и видел я, как становится взлётом паденье».

И вот эта вторая часть — о взлёте Йозефа Бойса — мне почему-то всегда казалась менее правдоподобной. Хотя вроде бы как раз она-то и является доказуемой... Она, как известно, гласит, что по возвращении в Фатерлянд Бойс стал заглавным художником XX-го века. Собираясь посмотреть одно из её доказательств — выставку, открывшуюся в мюнхенском Доме искусства (полностью она называлась так: «Леонардо да Винчи : Йозеф Бойс — “Codex Leicester в зеркале современности”»), я спросил у художника Алёши Климова — а как вот он к этому относится? «Независимо от того, что ты думаешь о Бойсе, не ругай его никогда при немцах, — сказал АК, — кого угодно можно ругать, кроме Гёте и Бойса. Поверь моему личному опыту...»

Так получилось, что я пошёл на выставку с этнической немкой К. и с русским писателем Борисом Хазановым, которого, в свою очередь, тоже вполне можно было бы назвать немцем. Не только потому что у него немецкий паспорт, а в Германии немцем считается каждый, кто имеет гражданство. Дело не в этом, просто БХ полу- в шутку, полувсерьёз говорил мне, что русских писателей, по крайней мере, в прошлом, можно было поделить на «французов», «англичан» и «немцев». И если в этом есть доля правды, то его самого безусловно можно было бы отнести к последним, хотя понятно, что всё это очень условно, и, скажем, духовные связи БХ с Францией и французской литературой не меньше, чем с немецкой. Я помню, что я после просмотра выставки процитировал Лёшино высказывание: Бойса, как и Гёте, нельзя ругать при немцах... К. улыбнулась и сказала, что Бойс для неё не художник, а просто очень хороший человек. Что он был светлым и славным... «Помните, каким он парнем был» — что-то похожее, только на немецком, сорвалось с её уст, после чего К. убежала по своим срочным журналистским делам, а мы с БХ пошли гулять в Английский сад. Мы уже довольно далеко ушли от Дома искусства, когда БХ спросил меня: «А что, разве может кому-нибудь прийти в голову ругать Гёте?» «Может», — с ходу ответил я, будучи попросту убеждён, что в этом мире ругают всех и вся. БХ мне не верил. «Гёте, Шмёте...» — мелькнуло у меня тогда в голове... Я вспомнил, что это бормотал Бродский, в каком-то телевизионном фильме, снятом в Венеции...

«Я есть антифашист и антифауст», — вспомнил я и сказал, что автор этих строк — Иосиф Бродский. «Унд гроссер дихтер Гёте дал описку...» БХ сразу сказал что-то не слишком лестное о Бродском, которого он тем не менее считал великим поэтом (достаточно вспомнить текст БХ, который называется «С точки зрения ворон»). Они были знакомы, я видел у БХ книгу Бродского,

где дарственная надпись кончается словами «с преклонением». Но приведенная строчка привела БХ не то чтобы в негодование... Он для начала пожелал узнать, из какого же это такого стихотворения, я, покопавшись немного в памяти, произнёс: «Два часа в резервуаре». Приехав домой, БХ нашёл в четырёхтомнике Бродского эти стихи, а ещё через день прислал мне via email статью, которая впоследствии стала главой в книге «Допрос с пристрастием» (ЗАХАРОВ, Москва, 2001), где она носит название «“Усыновлённость“ другим языком».

Мысль БХ об английском «лингвистическом шовинизме» Бродского кажется правдоподобной, хотя тут тоже всё не так очевидно... То, что БХ принимает за «глумление», «издевательство», конечно же, просто беззлобный стёб. Впрочем, если перечитать текст БХ, видно, что он и это не исключает... Но тогда он распространяет этот ноль на всё смысловое поле стихотворения, то есть утверждает, что в стихотворении нет вообще никакого смысла. И что сам Бродский не смог бы объяснить, что всё это значит и кто имеется в виду: Фауст, Гёте, Мефистофель, все они вместе, или же сам автор (БХ более склоняется к этой версии), решивший поиграть в игру «wenn ich ein Deutscher wäre». («Если бы я был немцем» (нем.) — так называется совместный альбом фотографов Михайлова, Браткова и Солонского, который в своё время возмутил и немцев, и русских, и евреев. Название альбома — сознательный, надо полагать, парафраз строчки Гёте «Wenn ich ein Vögelein wäre» — «Если б я был птичкой».)

БХ явно колеблется между «нулевым значением» и meiner Meinung nach (по моему мнению (нем.)), тоже близким к нулю «издевательством над немецким языком» примерно таким же способом, как это делает Демьян Бедный в поэме о бароне Врангеле... Мне кажется, что Бродский ответил бы на это словами Есенина, то есть сказал бы, что он «не чета каким-то там Демьянам». Кроме того, это просто общее место, любой русский любит переходить на такой волапук, переразвивая то немца, то еврея, то грузина...

С другой стороны, арифметическая метафора — ноль в конце сложных преобразований — мне почему-то напомнила (возможно, и не к месту) о том, что Пушкин в лицее, согласно легенде, решая любую задачу, всегда получал в ответе ноль... «Трудно сказать, о чём это стихотворение, длинное и витиеватое, как бывает часто у Бродского. Разгадывание похоже на решение запутанного арифметического примера: вы складываете, вычитаете, раскрываете фигурные скобки, делите, умножаете, в итоге получаете ноль.

Стихи написаны 25-летним, зрелым, если судить по другим стихам, **поэтом...**» — недоумевает БХ.

Действительно, определённая бухгалтерия в стихотворении присутствует, и я не могу сказать, что её дебет и кредит всегда вызывает эстетическое наслаждение: «...поэмой больше, человеком Ницше» и всё такое... Но я не согласен, что стихотворение в целом говорит ни о чём. Оно ведь является не чем иным, как религиозной проповедью.

Есть истинно духовные задачи.
А мистика есть признак неудачи
в попытке с ними справиться. Иначе
их бин не стоит это толковать...

... Он знал, куда уходят звёзд дороги.
Но доктор Фауст ницц не знал о Боге.

...Неверье — слепота. А чаще — свинство.

И независимо от того, какое значение вкладывает во все эти слова читатель (скажем, в лингвистической философии они действительно обладают нулевым смыслом), строфы несут тем не менее ненулевую информацию. Ну хотя бы потому, что нечто сообщают о своём авторе, ведь, кажется, трудно найти у Бродского другое место, где он высказывался бы так прямо на этот счёт...

Но зачем я сейчас это вспомнил? Какое отношение имеет доктор Фауст к доктору Бойсу (к фамилии Бойса нередко прибавляли слово «доктор», имея в виду — «окультурных наук»? Секундочку, говорю я себе, не спешу ничего стирать, потому что сразу же, как бы вдогонку, приходит мысль,

что к Фаусту Бойс имеет ровно такое же отношение, как к Леонардо да Винчи. А так как я побывал на выставке «Леонардо: Бойс», то какая-то связь должна же всё-таки быть?

«— Совершенно верно, — тотчас сказал Вальтер. — Нет больше универсального образования в гетевском смысле. Но поэтому на каждую мысль найдётся сегодня противоположная мысль и на каждую тенденцию сразу же и обратная. Любое действие и противодействие находят сегодня в интеллекте хитроумнейшие причины, которыми их можно и оправдать и осудить. Не понимаю, как ты можешь брать это под защиту!

Ульрих пожал плечами.

— Надо совсем устранишься, — тихо сказал Вальтер.

— Сойдёт и так, — отвечал его друг».

Это была цитата из «Человека без свойств» Роберта Музиля.

В пристройке к Haus der Kunst (Дому искусства), возведенной специально для выставки, стоят стеклянные стеллажи, в каждом помещена страница Codex Leicester, подсветка включается только когда подходишь к стеклу вплотную.

Чтобы страницы не уставали от света... Когда подходишь, стеллаж вспыхивает, и ты видишь зеркальный почерк Леонардо, его рисунки... Почему он писал зеркальным почерком? К. мне это объясняла тогда, надо будет её ещё раз спросить... Наверно, в целях криптографических... В данный момент мне больше нравятся мои собственные гипотезы, которые вполне банальны, но так, имея их в уме, имеешь там какой-то приятный мерцающий фон...

Нуль в уме — вот всё, что мы имеем, плюс морально устаревшая версия «Windows», манускрипт Codex Leicester, кстате говоря, является собственностью Билла Гейтса, он сам приезжал в Мюнхен на открытие выставки.

В рукописи, которую нашли сравнительно недавно (в шестидесятых годах прошлого века) в Мадриде, Леонардо задаётся вопросами и — даёт на них ответы, в которых закладываются основы механики жидкости и газа, а также делаются догадки — зачастую верные — о природных явлениях на Земле и на Луне. Но самое завораживающее в «Кодексе» — это рисунки потоков, вихрей, встречных течений, всё это очень похоже на чертежи в учебнике векторного анализа. Только в учебнике чертежи сделаны на основании знаний, полученных через несколько веков после того, как Леонардо сделал свои рисунки... Сейчас мне кажется, что сами стеллажи со страницами рукописи были в левом крыле здания, а в упомянутой пристройке была мультимедийная часть экспозиции, где фирма «Микрософт» уж не ударила в грязь лицом... Но мы не стали там задерживаться, а перешли в правое крыло, где, стало быть, симметрично «Кодексу Леонардо» разместились вторая половина выставки — «Мадридский кодекс Йозефа Бойса» — то самое «зеркало современности», в котором «отразился Леонардо да Винчи»...

Пока мы не заблудились в этой системе зеркал, нужно или, во всяком случае, можно вспомнить, где мы находимся. Дом искусства — Haus der Kunst — был одним из самых важных зданий Третьего рейха, только тогда он назывался «Домом немецкого искусства». А для фюрера едва ли не самым важным — фюрер ведь был художник, и Haus der Deutschen Kunst был реализацией самых заветных его желаний. Он сам заложил первый камень. При этом случился небольшой казус, который некоторые истолковали как дурной знак. Молоток, которым Гитлер ударил по камню, разломился на две части... Секунду он смотрел на свою руку в замешательстве... Кто знает, что было в этот момент в душе у невольного каменщика... Так или иначе, здание было воздвигнуто, и там помимо выставки «нового немецкого искусства» прошли такие знаковые для наци мероприятия, как «Выставка дегенеративного искусства» (Entarte Kunst), бесплатная, между прочим, где желающие могли увидеть всё уродство картин Пауля Клее, Пикассо, Эрнста, Явленского, Франца Марка, в общем, посмеяться вдоволь. Удерживая всё это в памяти, может быть, не стоило бы здесь гнать волну... Но тут ведь был особый случай, дело ведь было не только в графике, у одного фигуративной, у другого абстрактной... У Леонардо это ведь были не просто рисунки... А моей специализацией в университете была механика жидкости и газа, и рисунки течений, естественно, вызывали во мне ещё и ностальгию по науке, которой я изменил даже непонятно с кем... Так что неудивительны те странные чувства, которые теснились у меня в груди, когда я после одного «Кодекса» стал смотреть на другой: на вырванные из школьной тетради вечного второгодника, и к тому же неряхи (на многих страницах были масляные пятна, может быть, всё того же жира, которым его растерали в Крыму), листки, на которых были хао-

тические ломаные карандашные зигзаги, больше всего напомилавшие игру в «а ну-ка дорисуй». Вряд ли Леонардо мог предположить, что через пятьсот лет человеческое существо будет играть с его чертежами в такие игры... Некоторые зигзаги действительно чем-то напоминали очертания только что увиденных схем Леонардо... Но эта параллель, если и была... То как бы это помягче сказать... Как говорил полковник Фомин на военной кафедре: «Связь между этими явлениями такая же, как между северным сиянием и загаром яиц барана, пасущегося в Крымских горах». Ну да, солдатский юмор, это всё, что приходит тут в голову (*)... Может быть, потому, что это место такое — кажется, что слышно, как стучат сапоги... После войны «Дом немецкого искусства» хотели взорвать, считая, очевидно, что он был построен из некоего абсолютного зла, негодного для переплавки. Но потом передумали, в Доме на какое-то время открылось казино для американских офицеров, а потом он снова стал Домом искусства, только из его названия убрали одно слово: «немецкого».

И теперь здесь висят рисунки то ли упавшего к татарам, то ли провалившегося в тартарары лётчика люфтваффе, который вернулся в Германию с благими вестями: «Каждый человек является художником!», «Мы все свободны!» — и всё в таком духе... Ей-богу, надо бы радоваться, что *ausgerechnet in diesem Haus* (как раз в этом доме) висят именно такие рисунки... И я радуюсь, как же я могу не радоваться... Но только... Тихим шёпотом: ну при чём тут Леонардо да Винчи?

Я даже было подумал: может, дело в том, что Леонардо нарисовал воздухоплавательный аппарат за четыреста лет до его появления... А Бойс потом летал на этом самом аппарате... И, совершив не очень мягкую посадку, нарисовал то, что было за четыреста тысяч лет... Вспомнил, как «...целовались залиvistым лаем погони и ласкались раскатами рога и треском деревьев, копыт и когтей»?

Я смотрел на листок, где среди зигзагов, оставленных карандашом Бойса, можно было различить силуэт оленя... Бойс считал, что его карандашные рисунки являются самой важной и, что ли, смыслообразующей частью его творчества, потому что из них выросло потом и всё остальное — скульптуры, или просто — трёхмерные объекты, которые он делал в том числе из костей животных, копыт и когтей... Я видел их в разных музеях, не знаю, насколько они прекрасны... То, что они были только началом ужасного, тоже ведь ничего не доказывает...

Началом ужасного вот в каком смысле: на смену Бойсу не так давно пришла отвратительная карикатура. Как в дурном сне или в скверном анекдоте, по городам Германии ездит теперь человек, подчёркивающий своё внешнее сходство с Бойсом с помощью чёрной шляпы, которую он точно так же никогда не снимает с головы, и делает скульптурные группы из трупов людей. Трупы играют в шахматы, делают гимнастические упражнения... Это — пластолог Гюнтер ван Хаген, выставка называется «Миры тела». Городской совет Мюнхена не раз запрещал въезд в город этой выставке, но потом вопрос поднимался снова и снова, К. до последнего момента не верила, что их сюда пустят: «В этом городе их не будет, это уже точно», — говорила она. Но в конце кон-

(*) Через несколько лет после выставки «Леонардо: Бойс» в знаменитом музее Франкфурта «Shirn» происходит выставка «Роден: Бойс». Собственно, это и даёт мне повод достать из ящика текст «Бойсовский клуб»... В качестве посредника между Роденом и Бойсом куратор Памела Рот называет Рильке — именно его монография о Родене, содержащая множество иллюстраций, подвела Бойса к мысли о том, чтобы начать «вневременной диалог» с Роденом, результатом которого стал цикл рисунков, сделанных в период с 1947 по 1967 годы. Параллели между ними и поздними акварелями Родена (в своё время — в 1906 году — вызвавшими целую серию скандалов из-за своей «непристойности») давно уже являются для искусствоведов общим местом, но на выставке во Франкфурте работы двух художников впервые собраны вместе, и это, по мнению организаторов, должно было помочь увидеть «диалог» по-новому.

Но вот, к примеру, цитата из статьи во «Frankfurter Allgemeine Zeitung»: «Даже показанные таким образом, параллели между работами Родена и Бойса только с очень большой натяжкой могут служить подтверждением тезиса о том, что новаторства Родена — фрагментарные тела, торс как автономная форма искусства, динамически подвижные поверхности скульптуры, получили в бойсовской «новой концепции пластического движения в пространстве и времени» некое дальнейшее развитие. Эти утверждения кажутся бездоказательными и выглядят скорее как интересный пример искусственности интерпретаций, — пишет Констанц Крювелл, а дальше делает жест примирения, который — точно так же, как и приведенные ею перед этим сомнения (может быть, и не столь сильные, как мои... но гораздо более *глубокие*) — имеет прямое отношение к моему воспоминанию о той, другой выставке Бойса: «Как бы то ни было, выставка безусловно впечатляющая. Хотя бы потому, что организаторам удалось собрать такое небывалое количество уникальных экспонатов».

цов их пропустили, ван Хаген выступил по местному телевидению... Вот тогда я и увидел, насколько прочно он пристроился к тени Бойса. Сначала, я думаю, он стал в затылок, а потом — шаг в сторону, шаг вперёд, шаг в сторону — и он перешёл на передний план... И теперь когда пытаешься вызвать в памяти лицо Бойса, вместо него видишь Гюнтера ван Хагена — срабатывает каждый раз, совершенно чётко, и не только у меня одного...

Среди обвинений ван Хагену было и то, что большая часть этих трупов выставлена без всякого согласия их... владельцев? Родственников? Что среди них — трупы людей, которых казнили в Китае. Вроде бы дело против него приостановлено, но то, что ван Хаген использует тень Бойса, не имея на это согласия её обладателя, с моей точки зрения, само по себе внушает подозрение... Что точно так же он может поступить и с чьим-то телом...

На него то врозь, то попеременно обрушивались священники всех церквей, потом ещё было коллективное письмо профессоров-патологоанатомов Гейдельбергского университета, в котором они отлучили пластолога от науки.

В открытом письме, опубликованном в *Süddeutsche Zeitung*, профессора писали, что цели выставки, которые называет ван Хаген, фальшивые, что на самом деле всё это не имеет ничего общего с просветительской деятельностью. Призывы ван Хагена приходить на выставку всей семьёй, брать туда маленьких детей только ещё больше разогрели гнев профессоров, примерно указавших в письме, как на самом деле выглядит просветительство в этой области. Кстати, для меня примером такого — настоящего, а не спекулянтского введения в миры тела была книга Бориса Хазанова. Впервые я прочёл её в семь лет, и я не знал тогда, что это книга БХ. Он написал её под псевдонимом «Шингарёв». Это была история медицины для маленьких детей, с картинками. Называлась книга «Необыкновенный консилиум», и при всём моём увлечении впоследствии другими книгами БХ, эта оказалась на меня самое большое *воздействие*. «Как можно не сойти с ума при мысли, что у нас есть *череп*», — написал Чоран, по-моему, уже в старости, мне же в точности эта мысль отравляла жизнь в раннем детстве, с тех пор, как я впервые увидел рисунки скелетов. «Необыкновенный консилиум» помирил меня с человеческим телом, я хорошо помню, как я читал эту книгу в поезде, как я боялся её открывать (на обложке были изображены человеческие органы), и как неожиданно у меня начало улучшаться настроение, страхи почему-то рассеялись... И можно представить себе моё удивление, когда через тридцать лет я попал в квартиру БХ и увидел у него на книжной полке «Необыкновенный консилиум» Шингарёва. А потом узнал, что Шингарёв этот и есть Борис Хазанов... Возвращаясь к «летучему голландцу» (не хочу даже думать, что было бы со мной, если бы в семь лет меня познакомил с анатомией не БХ, а ван Хаген), надо сказать, что пока что ничто не остановило эту шхуну, выставки продолжают, на всех остановках в городе светящаяся реклама — обложка «Шпигеля», где он позирует на фоне разделанных трупов. В *Süddeutsche Zeitung* очередная статья, на сей раз о том, что Dr. Tod («доктор Смерть») хотел составить контракт с самым большим человеком на Земле. Самый большой человек на Земле (в данный момент его рост 2,5 метра) живёт в Санкт-Петербурге и продолжает расти. Это гормональная болезнь, неизлечимая, но с ней можно какое-то время бороться с помощью очень дорогих медикаментов. Ван Хаген брался платить человеку что-то вроде пожизненной ренты с условием, что тот подпишет контракт, по которому тело его после смерти станет собственностью ван Хагена. Человек не подписал контракт, несмотря на все заигрывания — пластолог летал в Питер, несколько раз увеличивал обещанные суммы. Самый большой человек попросту боялся, что, подписав контракт, умрёт при помощи этих медикаментов ещё раньше, потому как что для русского смерть, то для немца... Перфоманс?

Третья часть легенды о Йозефе Бойсе гласит, что он на самом деле не умер. Что он незаметно живёт среди нас, и его, как и Элвиса, можно случайно встретить на улице.